

ТАЙНА
БЛЭКВУД-
ХОЛЛА

Виктория Глушко
Тайна Блэквуд-Холла

«Автор»

2026

Глушко В.

Тайна Блэквуд-Холла / В. Глушко — «Автор», 2026

Представьте молодого графа, который потерял всё: зрение, свободу, прежнюю жизнь. Он заперся в старом поместье и постепенно превращается в тень самого себя. И представьте девушку, которую собственный отец продал в этот дом как ненужную вещь. Она должна стать его личной служанкой. Он не хочет чтобы она была рядом. Но иногда судьба сталкивает вместе именно тех, кто отчаянно нуждается друг в друге.

© Глушко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 — Сломленные	5
Глава 2 — Грустная история	10
Глава 3 — Маленькая победа	14
Глава 4 — Удар в самую цель	19
Глава 5 — Нить надежды	24
Глава 6 — Хрупкое тепло	28

Виктория Глушко

Тайна Блэквуд-Холла

Глава 1 — Сломленные

Маленькая и обветшавшая лачуга, казалось, слегка пошатнулась, когда кто-то уверенно и с напором постучал в дверь. Все присутствующие в доме вздрогнули. С недовольным видом глава семейства, уже с утра раскрасневшийся от вина, указал своей дочери на дверь.

— Люси!

Милая, но ещё юная девушка с нежными пепельно-русыми волосами и мягкими чертами лица состроила недовольную гримасу, однако не посмела послушаться отца.

Когда она нерешительно приоткрыла дверь, на пороге стоял статный пожилой мужчина в приличной, даже дорогой на вид одежде. Девушка сразу подумала, что такие люди не водились в их отдалённой от больших городов деревушке. Значит, он приехал из города — и что же ему могло понадобиться у них?

— Мисс, я пришёл поговорить с вашим отцом, — без тени эмоций произнёс мужчина. — Прошу, позовите его.

Серьёзный и холодный вид высокого пожилого джентльмена напугал девушку до дрожи. Она робко кивнула, пытаясь выдать из себя милую улыбку.

— Да, сэр. Прошу минуту, — мягко, но с ноткой волнения ответила она.

Едва она хотела развернуться, как отец уже оказался рядом. Грубо оттолкнув дочь в сторону, он тут же распахнул дверь перед гостем, растянув губы в жадной улыбке.

— Прошу, сэр, я вас уже так долго ждал. Входите.

Пожилой мужчина бесстрастно оглядел неопрятную фигуру хозяина, затем скользнул взглядом по убогой комнате. Неприглядный и бедный вид этого места вызвал на его холодном лице брезгливость, почти отвращение. Тонкие губы на мгновение искривились, а нос слегка сморщился.

— Благодарю, не стоит. Я не задержусь надолго, — коротко сказал он и достал из кармана небольшой мешочек.

Глаза главы семейства жадно блеснули. Он кивнул и, развернувшись, окликнул забившуюся в углу девушку.

— Анна, милая! Подойди к отцу.

Маленькая, худощавая фигура вздрогнула — не от голоса, а от непривычно ласкового тона, которого она никогда прежде не слышала в свой адрес.

Когда она подняла взгляд карих глаз, заслонённых длинной чёлкой, то встретила с острым, пронизывающим взглядом пожилого мужчины. Этот взгляд, лишённый жалости и сострадания, пробрал её до дрожи.

Молча поднявшись, она послушно подошла к отцу и покорно опустила голову.

— Вот эта крошка должна вам подойти, сэр, — начал расхваливать отец, кладя широкие ладони на хрупкие плечи дочери.

В этот миг Анну словно озарило. Она резко подняла на отца полный боли взгляд и невольно покачала головой. Но отец лишь сильнее сжал пальцы на её плечах.

Мужчина в дверях недовольно хмыкнул, пристально глядявая дрожащую девушку.

— Она довольно щуплая и на вид слабая, — холодно заметил он.

— Что вы, сэр! — занервничал отец. — Прошу не судить по виду. Она сильная, может выполнять всю работу по дому. Эти тонкие руки привыкли колоть дрова и носить воду, а светлая голова умеет читать и считать. Она вам точно подойдёт.

Мужчина ещё некоторое время всматривался в невзрачные черты девушки, после чего протянул мешочек отцу семейства.

— Хорошо, — только и сказал он.

Отпустив дочь, отец жадно схватил мешочек и сразу раскрыл его. Взгляд Анны метнулся к блеску монет, а затем — к довольному лицу отца. Она молчала. Взгляд её выражал лишь разочарование и боль. Но отец даже не смотрел на неё.

Анна бросила взгляд назад, в хижину, где стояла её младшая сестра. Люси была её полной противоположностью: красивая, опрятная и любимая отцом. Сама же Анна всегда оставалась лишь гадким утёнком и служанкой в этом мёртвом доме, некогда полном жизни.

Взгляд сестры не сулил ничего доброго. Губы Люси изогнулись в кривой улыбке, а глаза сузились, как у лисы, почуявшей добычу.

Люси подошла к старшей сестре и крепко обняла её, изображая печаль. Но когда её губы коснулись уха Анны, из них вырвался тихий шёпот:

— Прощай, сестрица. И лучше тебе сюда не возвращаться.

Отстранившись, она сделала вид, будто смахнула слезу, и убежала вглубь дома.

Когда пожилой джентльмен взял Анну за руку, она подняла на него взгляд — холодный и пустой, почти такой же, как у него самого. Мужчина едва заметно повёл бровью и тут же отпустил её.

— Ступай в карету, — спокойно сказал он.

Когда девушка достаточно отошла, мужчина ещё раз взглянул на хозяина лачуги.

— Уверены ли вы в своём решении? Вероятность того, что вы увидите её вновь, невелика.

— Что вы, сэр. Она создана, чтобы служить вашему дому! — быстро отозвался отец, ещё крепче прижимая к себе мешочек с деньгами.

Пожилой джентльмен ничего не ответил. Лишь бросив презрительный взгляд, он развернулся и направился к карете.

В ней уже тихо сидела Анна. Безвольно опустив плечи и голову, она всю дорогу провела в молчании. Иногда её взгляд устремлялся в окно, за которым медленно проплывали удивительные пейзажи.

Со временем за окнами начали появляться поместья — одни больше, другие меньше. Рассмотреть их как следует было сложно, поскольку карета держалась в стороне от главной дороги.

В какой-то момент пожилой джентльмен, сидевший напротив, протянул руку и дёрнул за шнурки у окон. Шторки опустились, оставив в карете лишь приглушённый дневной свет. Теперь девушка совсем не понимала, где они находятся.

Спустя некоторое время за окном послышался шум и голоса — похоже, небольшой городок. Проехав его, карета остановилась, и раздался скрип больших ворот.

До сих пор спокойная Анна наконец почувствовала подступающий страх. Мужчина напротив оставался всё таким же молчаливым и невозмутимым. Он сидел с раскрытой записной книжкой и делал пометки.

Карета продолжила движение и вскоре остановилась снова — на этот раз у других ворот, которые скрипели так, будто ими пользовались редко.

Мужчина поднял серьёзный взгляд на девушку.

— Как тебя зовут?

— Моё имя Анна Грей, сэр, — ответила она, стараясь выровнять голос.

— Я нанял тебя у твоей семьи, чтобы ты служила в поместье моего господина.

Анна на мгновение подняла удивлённый взгляд и тут же опустила его.

Мужчина продолжил:

— Моё имя Арчибальд Хоторн. Я дворецкий поместья Блэквуд, и моему господину требовалась новая горничная. Твоя задача — хорошо исполнять свои обязанности, и не более.

После этих слов он открыл дверь кареты и указал девушке на выход.

Анна коротко кивнула и неуверенно вышла. Перед ней стояло небольшое здание — отдельный флигель. У входа стояла дама средних лет в строгом платье из дорогой ткани.

— Это та девушка, о которой вы мне говорили, мистер Хоторн? — сдержанно спросила она.

— Да. Отныне она будет служить хозяину. Прошу посвятить её в обязанности, — ответил дворецкий и приказал кучеру ехать.

Женщина тяжело вздохнула, когда карета тронулась.

Развернувшись, она оглядела Анну и слегка улыбнулась. Проведя девушку внутрь, она сказала:

— Я Агнес Бёртон, управляющая женской прислугой в этом доме. Представься: имя, возраст и что умеешь.

— Я Анна Грей, госпожа, — замялась девушка, поклонившись.

— Отныне можешь обращаться ко мне «миссис Бёртон», — спокойно поправила управляющая.

— Да, миссис Бёртон, — кивнула Анна. — Мне шестнадцать лет. С детства я вела хозяйство, умею готовить, убираться и стирать. Также работала в лавке, поэтому немного читаю, пишу и считаю.

Миссис Бёртон помолчала, затем хмыкнула и развернулась.

— Хорошо, следуй за мной.

Анна поспешила за ней.

— Вероятно, мистер Хоторн уже сообщил тебе, что твоей главной обязанностью будет забота о нашем господине.

— Да, миссис Бёртон.

— Ты будешь ухаживать за ним, за его покоями и всем, что связано с его нуждами.

Женщина резко остановилась и развернулась. Анна едва не столкнулась с ней.

— Всё, что ты увидишь или услышишь, должно оставаться в тайне. Отныне ты служишь дому графа и обязана хранить ему верность. Ты меня поняла?

— Да, миссис Бёртон, — взволнованно кивнула Анна.

— Хорошо. С момента, как вошла в этот дом, ты не имеешь права жаловаться и проявлять слабость.

— Да, миссис Бёртон, — тихо ответила Анна.

Анна шла за управляющей, размышляя о том, что прежняя жизнь каждый день приносила ей невыносимую боль. Там она заботилась о доме, об отце, который при любом удобном случае унижал и избивал её, и о своей вечно недовольной сестре.

Ей было страшно, но возможно жизнь в этом тихом, хоть и мрачном поместье будет для неё неожиданным благословением.

Они прошли по широкому коридору, пока миссис Бёртон наконец не остановилась. Обернувшись, она серьёзно посмотрела на девушку.

— Сейчас я представлю тебя хозяину. Будь вежлива, проявляй уважение и не говори лишнего. По возможности молчи.

Анна кивнула.

Миссис Бёртон на мгновение замерла и очень тихо, почти шёпотом добавила:

— Послушай меня внимательно. С недавних пор, милорд имеет проблемы со зрением. Так что не делай резких движений, всегда предупреждай, когда подходишь ближе, и ни в коем случае не прикасайся к нему без разрешения. Поняла?

Анна быстро кивнула, чувствуя, как сердце забилось чаще.

Миссис Бёртон постучала трижды — громко и чётко.

— Милорд, это управляющая Агнес Бёртон.

Ответа не последовало.

— Милорд, я пришла представить вам новую служанку.

Снова тишина.

— Ваше сиятельство, мистер Хоторн нашёл подходящего человека на роль вашей личной служанки, которая будет помогать вам и заботиться о вас.

Граф вновь не ответил от чего миссис Бёртон тяжело вздохнула.

— Прошу простить меня, милорд, я войду, — наконец сказала она и нажала на дверную ручку.

Свет из коридора мгновенно проник в полутёмную комнату. Первое, что бросалось в глаза — тяжёлые плотные шторы, полностью закрывающие высокие окна от самого потолка до пола. Лишь на стыке двух полотен оставался узкий просвет, дававший слабый луч света. В нём можно было различить очертания мебели, несколько дверей и большую кровать, на которой кто-то лежал, свернувшись калачиком.

Человек был полностью укутан в одеяло, словно кокон из постельного белья. Лишь выступающая из-под складок широкая ладонь с длинными пальцами указывала на то, что это был мужчина.

— Вы ещё не проснулись, господин. Прошу простить меня, — тихо произнесла миссис Бёртон, осторожно подходя ближе.

Анна робко последовала за ней и лишь тогда заметила полный беспорядок на полу. Вещи были разбросаны повсюду: одежда, книги, картины, вазы. Многие оказались сломаны или разбиты.

От голоса управляющей фигура на кровати шевельнулась. Послышался низкий, уставший мужской голос с лёгкой хрипотой и явным раздражением:

— Я не давал разрешения войти.

— Прошу простить меня. Я лишь хотела представить вам новую служанку и объяснить ей её обязанности.

Вдруг рука, торчащая из-под одеяла, потянулась к предмету на прикроватной тумбочке. Нащупав статуэтку, мужчина, не глядя, швырнул её в сторону вошедших. К счастью, он промахнулся, и белая фарфоровая фигурка, ударившись о стену неподалёку от них, разлетелась на мелкие осколки.

Анна вздрогнула от этого жеста. Глядя на разбросанные кусочки фарфора, она невольно задумалась о том, что может скрываться за характером её хозяина.

Следом снова послышался голос, но уже резкий и грубый, с явным надрывом:

— Убирайтесь!

К удивлению Анны, миссис Бёртон осталась относительно спокойна. По крайней мере, выражение её лица почти не изменилось.

— Прошу, господин, уделите нам лишь минуту, и мы более не будем вас тревожить. Вскоре вам принесут ужин — всё, что вы предпочитаете.

Женщина не отступала и почти вплотную подошла к кровати.

Мужчина заёрзал, пытаясь подняться. Его высокая и очень худощавая фигура показалась из-под одеяла. Теперь он был повёрнут лицом к вошедшим, но по-прежнему молчал.

Миссис Бёртон, решив, что это знак согласия, слегка подтолкнула девушку, приказывая ей представиться.

— Моё имя Анна Грей, милорд, — девушка сложила руки перед собой и глубоко поклонилась. — Я буду служить вам верно и усердно. Обещаю, я вас не подведу.

Услышав голос Анны, мужчина вздрогнул и стал странно поворачивать голову, будто пытаясь определить, откуда звучат её слова.

Робко подняв голову, девушка решилась взглянуть на хозяина. Она удивилась, увидев перед собой худощавую, почти измождённую фигуру. Его руки казались неестественно тон-

кими, щёки впалыми, а одежда висела на нём свободно, будто стала слишком велика. Сам господин дрожал, словно от слабости или внутреннего напряжения.

Большая часть лица была скрыта одеялом, и она не могла ясно рассмотреть его черты, да и не осмелилась бы смотреть ему прямо в глаза.

От увиденного Анна невольно ахнула. В этот момент мужчина снова потянулся к тумбочке. Пытаясь что-то нащупать, он неловко задел краем ладони стеклянный графин с водой. Тот опасно качнулся, готовый упасть на пол.

Сама того не осознавая, Анна почти рефлекторно шагнула вперёд.

— Милорд, осторожно!

Но едва она сделала шаг, как поскользнулась на свисающей простыне и потянула её за собой. Потеряв равновесие, она упала на край кровати, случайно коснувшись ног мужчины. Простыня резко выскользнула из-под него, и тот тяжело опустился на спину.

Испуганно подняв взгляд на своего господина, она поспешила извиниться, но вдруг заметила его лицо. Он, казалось, стал дрожать ещё сильнее.

Невольно Анна всмотрелась в его бледное, осунувшееся лицо. И вдруг встретила с его глазами. Они были открыты, но в них не было жизни — только стеклянная пустота и лёгкая мутность. Он был не просто слаб на глаза... Он был слеп.

— Боже... — произвольно сорвался шёпот с её губ.

Это оказалось последней каплей, чтобы мужчина, внезапно вспыхнул гневом. Его лицо исказилось, он резко отпрянул назад и, нащупав подушку, швырнул её в сторону девушки. Подушка была лёгкой, и Анна машинально поймала её, но тут же поднялась и отступила на шаг назад.

Её место заняла миссис Бёртон, которая поспешила к хозяину, стараясь его успокоить. Он почти не реагировал на её прикосновения, всё больше выказывая свою ярость и возмущение.

— Убирайтесь! Убирайтесь! — кричал он, багровея, и яростно швырял на пол всё, что подворачивалось под руку.

Анне стало так больно и неловко от произошедшего, что она поспешила попросить прощения. Но едва с её уст успело сорваться жалобное «Простите меня, милорд...», как миссис Бёртон тут же схватила её за руку и поспешила вывести из комнаты.

— Господину нужно время чтобы привыкнуть, — сказала женщина с лёгкой грустью и явным беспокойством.

Последнее, что заметила Анна, покидая комнату, — вскипевшие в глазах молодого мужчины слёзы. Слёзы, в которых, казалось, застыли отчаяние и боль.

На мгновение этот измождённый силуэт показался ей до странности знакомым, словно в нём отразились её собственные боль и страх.

Ей стало его искренне жаль. «Богат ты или беден... перед лицом такого отчаяния все равны», — тихо подумала она.

Глава 2 — Грустная история

Дверь закрылась, но крики ярости и глухие удары ещё долго доносились изнутри.

Анна шла, почти не чувствуя под собой пола, неосознанно прижимая к себе подушку графа. Перед глазами всё ещё стояли его глаза — пустые, стеклянные... наполненные слезами, которые мужчина пытался скрыть за гневом.

Лишь почувствовав на себе тяжёлый взгляд миссис Бёртон, она словно вернулась в реальность. Теперь пришло осознание: её неосторожность могла стоить очень многого — и не только ей одной.

Только сейчас Анна заметила, что всё ещё держит в руках подушку. Смутившись, она неловко завела её за спину.

— Впредь ты должна быть осторожнее в словах и действиях, — женщина тяжело вздохнула, потирая переносицу. Затем её голос слегка смягчился. — Не принимай случившееся слишком близко к сердцу.

Анна робко кивнула, не поднимая глаз.

Миссис Бёртон внимательно оглядела девушку и жестом велела ей следовать за собой. Женщина шла впереди, всё покачивая головой, пока они не ушли достаточно далеко, чтобы больше не слышать приглушённых криков графа.

Спустившись вниз, они вошли в небольшую комнату, где за столом сидела женщина и что-то аккуратно записывала на листе бумаги.

— Марта, — обратилась миссис Бёртон.

— Да, госпожа, — женщина поспешно поднялась со своего места и коротко поклонилась, украдкой взглянув на тонкую фигуру Анны рядом с управляющей.

— Посмотри, найдётся ли у нас подходящая одежда для этого ребёнка.

Теперь Марта внимательно посмотрела на девушку, словно оценивая её рост и сложение, и на мгновение задумалась.

— Думаю, мы сможем подобрать ей всё необходимое, — сказала она мягко.

— Благодарю вас, госпожа, — Анна глубоко поклонилась.

Женщина добродушно улыбнулась и поспешила поднять девушку, беря её под руку.

— Ну что ты, милая, какая же я тебе госпожа? Просто Марта. Здесь все зовут меня по имени. А тебя как зовут?

— Я Анна Грей, мэм.

Марта улыбнулась и взглянула на управляющую.

— Я позабочусь о девочке, госпожа.

— Хорошо, — кивнула миссис Бёртон. — Комната уже приготовлена. Проведи её туда и подробно расскажи о её обязанностях.

— Как прикажете, госпожа.

Поклонившись, женщина проводила управляющую взглядом, и вновь повернулась к Анне.

— Что ж, расскажи, дитя, что у тебя уже есть из вещей, чтобы я могла понять, чего тебе недостаёт.

Анна молчала, смущённо опустив взгляд, словно прячась под своей длинной чёлкой, почти закрывающей глаза.

— Что же ты молчишь? — удивилась Марта. — Неужели всё твоё имущество — это лишь платье, что сейчас на тебе?

Лицо Анны мгновенно покраснело, а голова опустилась ещё ниже.

— Ох, боже правый... прости меня, — поспешно сказала Марта, поняв свою ошибку. — Я вовсе не хотела тебя смутить. Ничего... теперь всё изменится. У тебя будет всё необходимое. Ну же, подними голову. Тебе нечего стесняться здесь.

Анна почувствовала, как в груди разлилось неожиданное тепло, и осторожно подняла взгляд на доброе лицо женщины. Она боялась насмешек или упрёков, но в глазах Марты было лишь искреннее участие. От этого её собственные губы дрогнули в слабой, почти незаметной улыбке.

Женщина повела Анну в кладовую, где они пересмотрели несколько комплектов одежды — рабочей и повседневной. Нашлись две пары обуви, простое исподнее бельё и ночная рубашка.

Собрав всё подходящее, Марта попросила одну из служанок отнести свёртки в комнату новой горничной графа. Та поклонилась и, забирая вещи, бросила на Анну сочувственный взгляд, от которого той стало немного неловко.

Марта, казалось, этого не заметила. Взяв Анну под руку, она повела её дальше по коридору, по пути показывая здание и рассказывая о жизни в этом крыле поместья.

— Твоей задачей, — продолжала Марта, когда они вошли на кухню и взяли немного хлеба с молоком, чтобы подкрепиться, — будет уборка в покоях милорда, подача завтрака, обеда и ужина. Также тебе придётся стирать его одежду... и, возможно, иногда готовить для него самой.

Сделав несколько глотков молока, она добавила, будто между прочим:

— В основном тебе придётся справляться с этим самостоятельно.

Анна чуть не поперхнулась хлебом.

— Самостоятельно?... — удивлённо переспросила она. — Вы хотите сказать, что забота о графе поручена мне одной?

— Да, милочка, — теперь уже удивилась Марта. — Разве миссис Бёртон не сказала тебе об этом?

Анна опустила взгляд на стакан молока, в котором отражался свет из окна.

— Как же можно доверить мне всё сразу... я ведь только прибыла сюда, — тихо произнесла она.

— Признаться, я и сама не всегда понимаю решения наших господ, — вздохнула женщина. — Но таковы твои обязанности. Не бойся, миссис Бёртон первое время будет рядом с тобой. Милорд не всех допускает к себе... особенно после того случая...

Она покачала головой.

— Могу ли я узнать, что случилось с графом? — осторожно спросила Анна. — О каком случае вы говорите с такой грустью?

Марта огляделась по сторонам и слегка наклонилась ближе к девушке.

— Я не знаю всех подробностей, дитя... но однажды, на одном званом приёме, на милорда было совершено нападение. Его ранили ножом...

Анна невольно ахнула, прикрыв рот ладонью.

— Но рана оказалась не самым страшным. Нападавший бросил ему в лицо какой-то едкий порошок... Лекарь сказал, что глаза сильно обожжены. Сначала милорд ещё немного различал свет и силуэты, а потом... будто вовсе перестал хотеть видеть. Врач говорил, что часть слепоты может быть от нервов, от отчаяния. Но граф прогнал его и отказался от дальнейшего лечения.

На последних словах голос Марты дрогнул, а глаза её наполнились слезами.

— Особенно тяжело ему было, когда приезжал лорд Рейнольдс... Они с милордом дружили с самого детства. Себастьян — единственный, кого граф ещё хоть иногда пускал к себе после того случая. Бедный молодой человек так переживал за него... приезжал почти каждый месяц, привозил разных врачей, уговаривал не сдаваться. А милорд только злился ещё сильнее.

Марта тяжело вздохнула и вытерла уголок глаза.

— Не знаю, было ли это решение самого милорда или распоряжение нашего дворецкого... но теперь милорд живёт в этом флигеле, вдали от главного дома. Он сильно изменился... стал раздражительным, замкнутым. Кажется, он потерял всякое желание к жизни. Даже блюда, которые готовит его повар, часто возвращают почти нетронутыми. Милорд так исхудал... что едва похож на прежнего себя.

Анна задумчиво слушала рассказ, пытаясь представить, каково это — лишиться привычной жизни в одно мгновение. Она никогда не считала себя счастливой... но и представить не могла, каково жить, не видя света.

На мгновение ей показалось, что кому-то может быть ещё тяжелее, чем ей самой. Эта мысль странным образом утешила её... но вместе с тем наполнила сердце тихой печалью.

— А почему милорд совсем один? Где же его семья? — тихо спросила она.

— Ох... это тоже печальная история, — вздохнула Марта, словно возвращаясь мыслями в далёкое прошлое. — Я служила в этом доме ещё при прежнем графе и графине Блэквуд. Они были молодой супружеской парой, когда я поступила к ним на службу. Добрые, щедрые люди... Весь дом уважал их.

Они долго не могли иметь детей, и всё поместье словно жило этой печалью вместе с ними. А когда наконец родился маленький Эдвард... радости не было конца.

Он рос в любви и заботе. Возможно, его баловали больше, чем принято среди знати... но он вырос достойным человеком. Я хорошо помню, как его звонкий детский смех наполнял весь дом, как он бегал по саду...

Но когда милорду ещё не исполнилось и восемнадцати лет... случилась трагедия.

Во время поездки карета его родителей попала в сильную грозу. Молния ударила неподалёку, лошади испугались и понеслись. Карета сорвалась со склона.

Никто не выжил.

Лишь кучера выбросило из экипажа раньше, чем тот рухнул вниз.

Марта уже не сдерживала слёз, и Анна осторожно погладила её по спине.

— Наш милорд был ещё совсем молод... но он оказался единственным наследником. Несмотря на горе, ему пришлось принять на себя управление всем поместьем и землями.

Мы все тогда восхищались его силой и выдержкой. Боль не сделала его жестоким... он лишь стал серьёзнее, будто слишком рано повзрослел.

И вот... спустя годы... новое несчастье.

Теперь управлением занимаются дворецкий и миссис Бёртон. Слуги не знают, как себя вести... ведь говорить о том, что милорд лишился зрения, строго запрещено.

Она на мгновение замолчала.

— Какая печальная судьба... — тихо сказала Анна. — Чтобы пережить столько и не ожесточиться... нужно обладать сильным сердцем.

— Ты права, милочка, — Марта смахнула слезу. — Но знаешь, что самое странное?

Анна вопросительно посмотрела на неё.

— После того как милорд окончательно лишился зрения и переехал во флигель, он перестал принимать гостей. Даже близкие друзья больше не знают, в каком он состоянии. В поместье никого не допускают... всем говорят лишь, что милорд восстанавливает силы и вскоре сам выйдет к обществу.

Анна опустила взгляд, крепче сжимая в ладонях стакан с молоком.

Теперь вспышка ярости графа уже не казалась ей простой жестокостью. За ней скрывалось что-то куда более тяжёлое — боль человека, потерявшего слишком многое.

Она хотела что-то ответить, но в кухню вошла другая служанка. Марта быстро вытерла глаза и вновь приняла бодрый вид, больше не возвращаясь к этому разговору.

Допив молоко, женщины молча покинули кухню и неспешно поднялись по лестнице наверх.

Коридор казался ей уже знакомым, пока они не остановились у двери рядом с покоем графа. Марта спокойно открыла её.

— Отныне это будет твоя комната, — сказала она.

Анна недоверчиво огляделась. Комната была просторной, светлой и аккуратной. Обстановка выглядела простой, но изящной. Здесь было всё необходимое: шкаф, кровать, даже небольшая умывальная комната.

На кровати лежали свёртки с одеждой, которые они недавно собрали.

— Я буду жить здесь? — тихо спросила Анна, стараясь говорить почти шёпотом, ведь комната графа находилась совсем рядом.

Марта кивнула.

— Тебе необходимо быть рядом с милордом, чтобы исполнять свои обязанности. Так распорядилась миссис Бёртон. Работа тебе предстоит непростая... так что считай это частью твоего жалования. Но не зазнавайся.

Она тихо усмехнулась и дружелюбно похлопала Анну по плечу.

— Думаю, тебе стоит отдохнуть и умыться с дороги. Завтра начнётся твой первый рабочий день... постарайся хорошенько выспаться.

— Благодарю тебя, Марта, — Анна поклонилась.

— Это меньшее, что я могу для тебя сделать. Доброй ночи, дитя.

С этими словами женщина вышла, оставив Анну одну.

Некоторое время девушка стояла посреди комнаты, не решаясь сделать ни шага. Всё казалось ей непривычным... почти чужим.

Вдруг из соседней комнаты послышался слабый шум.

Осторожно подойдя к стене, Анна коснулась ладонью холодной поверхности, украшенной изящным узором обоев. Затем медленно прижалась к ней ухом, пытаясь разобрать, что происходит по ту сторону.

Она не могла ясно расслышать слов... но ей показалось, будто мужчина тихо и болезненно стонет.

Анна медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к стене.

Она размышляла о том, что может чувствовать сейчас граф... и почему он ведёт себя именно так.

Впервые за долгое время Анна задумалась о чужом несчастье сильнее, чем о собственном.

Глава 3 — Маленькая победа

Старинные настольные часы со стеклянной крышкой вокруг циферблата вдруг блеснули недалеко от головы Анны и с треском упали где-то за её спиной. Следом раздались уже привычные ругань и крики.

— Агнес! Уберите её отсюда! Я не желаю даже слышать о ней, — кричал граф, отталкивая от себя поднос с едой, который только что поставила перед ним Анна.

Тарелка с кашей перевернулась и рассыпалась по полу.

— Но, милорд! — взмолилась управляющая. — Вам нужна помощь! Я не могу постоянно находиться подле вас!

— Тогда лучше я буду один! — заключил он и, спрятавшись под одеялом, больше не проявлял внимания к окружающему миру, откровенно игнорируя мольбы и просьбы своей управляющей.

Анна спокойно стояла и с беспристрастным лицом смотрела на всё происходящее. Вот уже несколько дней подряд она видела схожую картину, которая начинала порядком её раздражать. Несмотря на жалость к этому несчастному человеку, порой ей просто хотелось дать ему пинка.

Ей было трудно понять, почему взрослый мужчина ведёт себя столь капризно. Но, с другой стороны, видя, как он воспринимает её почти как врага, она начинала думать, что граф слишком резко реагирует на появление незнакомого человека в своём мире.

— Ох, этот капризный ребёнок! — раздражённо выпалила миссис Бёртон, когда они с Анной вышли из комнаты. Она гневно сверлила дверь взглядом, пока вдруг не обратилась к девушке.

— За эти несколько дней ты уже должна была понять суть своей работы. — Женщина сложила руки на груди. — Дальше ты будешь делать это самостоятельно. Периодически я буду наведываться к графу, но с этого момента вся работа полностью ложится на тебя.

— Госпожа?! — Анна устремила жалобный взгляд на миссис Бёртон.

— Тише! — строго взглянула та. — Милорд должен осознать, что у него нет иного выбора, кроме как положиться на других людей.

— Но вы же видите: он отталкивает меня, воспринимая исключительно как врага.

— Всё придёт со временем. Главное — не делай глупостей и веди себя тихо и сдержанно.

Сказав это, она зашагала прочь, оставляя Анну в одиночестве со своими сомнениями.

«Спокойно, Анна... спокойно, — утешала она себя мысленно, косо поглядывая на резную дверь из тёмного дерева. — Ты справлялась раньше и сейчас тоже справишься».

Сжав кулаки, она резко развернулась и направилась к кухне. Там она попросила у повара новую порцию завтрака для графа и оловянную кружку с водой. Повар сильно удивился, что она просит такую неприметную вещь, и сперва не желал этого делать, но Анна сумела его убедить.

Прошло около получаса, прежде чем она снова оказалась перед той самой дверью. В этот раз ей предстояло войти одной. От этой гнетущей мысли её начала бить мелкая дрожь.

Она помнила всё, что ей говорила и показывала миссис Бёртон, но понимала, что в её случае это не работает. Поэтому ей придётся искать собственную тактику, свой путь к доверию графа.

Поддерживая поднос одной рукой, другой она неуверенно коснулась дверной ручки и, немного помедлив, осторожно надавила.

Она сделала это без какого-либо предупреждения, и услышала, как мужчина внутри дёрнулся и зашуршала ткань постельного белья.

Как и всегда, он был на кровати, укутанный тонким одеялом, будто ему постоянно было холодно.

Анна осторожно и тихо вошла в комнату, прикрыв дверь.

— Кто здесь?.. — сразу же послышался встревоженный голос хозяина комнаты.

Анна сделала несколько медленных шагов.

— Кто это!? — голос графа всё больше наполнялся страхом.

Анна взглянула на высокую, тонкую фигуру на кровати, вжатую в крайний угол и трясущуюся, как осиновый лист на ветру.

— Милорд... — едва её голос раздался в комнате, граф дёрнулся, и его лицо сделалось грозным, но в то же время испуганным. — Ваша служанка Анна Грей здесь.

— Зачем вы пришли?.. — голос графа дрожал, хотя он явно старался придать ему твёрдость.

— Милорд, вы так и не смогли поесть.

— Я не хочу ничего! Сейчас же убирайтесь отсюда! — закричал он грозно.

— Я снова принесла вам немного каши с хлебом и стакан родниковой воды, милорд, — будто не расслышав его слов, спокойно продолжила девушка.

— Вы что, не услышали меня!? — возмутился мужчина, всё больше наполняясь твёрдой яростью.

Вновь проигнорировав своего хозяина, Анна осторожно подошла к прикроватной тумбе и тихонько поставила поднос.

Когда девушка приблизилась, граф дёрнулся, будто боясь, что она может что-то сделать ему. Анна невольно взглянула на него. Мужчина казался испуганным животным во власти охотника, не имеющим больше силы сопротивляться.

— Зачем вы пришли?.. — после недолгой паузы тихо, но взволнованно спросил граф.

«Что он ожидает услышать, спрашивая у меня такие очевидные вещи? — подумала девушка. — Или ему кажется, что я пришла убить его?»

Тряхнув головой, девушка решила выбросить эту мысль из головы.

— Милорд, я пришла лишь затем, чтобы подать вам ваш завтрак.

— Я не буду есть то, что вы принесли! — резко выпалил мужчина, медленно качая головой.

Анна тихо вздохнула.

«Неужели он и вправду думает, что я желаю ему навредить?..»

— Эту еду готовил ваш собственный повар, милорд. Я лишь принесла её сюда. Я оставлю это на тумбочке и уйду. Вы можете не доверять мне, милорд, но вы должны доверять своим людям, которые так беспокоятся о вас. Ваша управляющая и ваш дворецкий, нанявший меня... ваши слуги, которые то и дело в свободное время молятся о вашем здоровье. Они заслуживают вашего доверия.

Анна говорила спокойно и тихо. Она подняла взгляд на мужчину и была удивлена его спокойной реакцией. Она рассчитывала, что он снова разразится яростью, но теперь он выглядел лишь задумчивым, хотя его пальцы всё ещё впивались в одеяло до белизны, а тело пробивала мелкая дрожь.

Так как граф и дальше молчал, никак не отреагировав на её слова, она, сложив руки на животе, глубоко поклонилась ему.

— Я ухожу, милорд. — Последний раз взглянув в лицо графа, которое теперь выражало какую-то боль или тоску, она вышла.

День продолжался, и Анна занялась стиркой и подготовкой к подаче обеда. Она всё ещё боялась идти к графу, не зная, чего ей ожидать после того, что она сказала ему утром. Возможно, тарелка каши полетит в её голову, едва она только войдёт в комнату.

Да, трудно было ухаживать за слепым человеком, который так яростно не желал принимать от неё помощь.

Но время поджимало, и вот она вновь стояла у двери своего милорда. Глубоко вздохнув, она, как и прежде, мягко надавила на ручку и толкнула дверь.

Фигура на кровати снова дёрнулась, и послышался низкий, чуть более уверенный, чем ранее, голос.

— Кто здесь?

— Это ваша служанка Анна Грей, милорд. Время обеда. Я принесла вам еду, — спокойно отозвалась девушка, медленно подходя ближе к кровати.

— Почему вы не постучали!?! — возмутился он.

— А вы бы тогда позволили мне войти?

— Конечно нет.

— Поэтому я и не постучала.

Граф недовольно хмыкнул, отворачивая лицо в сторону.

Когда девушка подошла к прикроватной тумбе, она заметила, что ложка лежала в тарелке с кашей. Было видно, что граф едва ли притронулся к ней, но и это уже невероятно радовало Анну. А вот кружка, где была вода, оказалась полностью опустошена.

Убрав прежний поднос, Анна поставила новый на его место и описала то, что в нём находилось: лёгкий куриный суп, кусочек тёплого ржаного хлеба, сладкий кусочек пирога, а также белая узорчатая чашка с горячим чаем.

Неуверенно взглянув на нежный фарфор, Анна взяла оловянную кружку с прежнего подноса и перелила чай в неё.

— Что это? — резко спросил мужчина, напугав девушку, так что та едва не пролила напиток.

— Это чёрный чай, милорд, — постаралась мягко ответить Анна, успокаивая быстро бьющееся сердце. — Я наливаю его в ту кружку, в которой ранее была вода. Это простая оловянная кружка, совсем не фарфор или тонкий сервиз вашего дома, но всё же безопасная вещь: даже от горячего чая она не обожжёт руки.

— Много болтаете. Я не спрашивал вас об этом, — фыркнул граф, вызывая слабую улыбку на лице Анны.

Ничего не сказав, девушка отошла от кровати по направлению к большим окнам, закрытым плотными шторами.

— Почему вы не уходите? — беспокойно спросил граф.

— Пока вы обедаете, я хотела бы, с вашего позволения, прибрать некоторые вещи с пола, чтобы вы ненароком не наткнулись на них.

Граф снова хмыкнул, но ничего не ответил. Он всё так же сидел в углу кровати и не двигался. Анна заметила это, но не думала торопить события. Она верила, что голод всё равно возьмёт своё.

Протянув руки к тёмно-бордовому бархату, Анна отдёрнула тяжёлую штору, закрывавшую от потолка до пола огромное окно-дверь, ведущее на балкон. Ткань с густым шелестом разошлась в стороны, и в комнату хлынул яркий солнечный свет, открывая вид на сад, залитый полуденным теплом.

— Что вы делаете? — вновь встревоженно спросил граф.

— Милорд, я лишь впускаю солнечный свет. Мне нужно видеть, что убирать.

— Я не желаю этого! Верните всё как было! — раздражённо возразил он.

Но Анна не спешила. Потянув за ручку, она слегка распахнула створки — в комнату моментально ворвался лёгкий ветерок, неся с собой аромат цветов и тёплой листвы.

Ощувив перемену в пространстве, граф резко произнёс:

— Закройте...

Его голос звучал уже не раздражённо, а напряжённо.

— Закройте окно!

Анна невольно обернулась.

Граф сидел неподвижно, но в этой неподвижности не было покоя. Его плечи напряглись, пальцы судорожно сжимали край одеяла, словно единственную опору в изменившемся мире.

Он повернул голову в сторону окна, чуть неточно, прислушиваясь к шелесту ветра, будто пытался различить в нём скрытую угрозу.

— Я не могу понять, что происходит снаружи... — тихо, тревожно сказал он, а его голос постепенно становился всё громче, в конце срываясь на крик. — Я не вижу, что происходит снаружи... Вы не понимаете, что делаете!

От его крика у Анны перехватило дыхание, а сердце заколотилось быстрее прежнего.

Она понимала: если сразу закрыть окно по первому требованию, его страх только укрепит. Но и полностью проигнорировать его было нельзя — тогда тревога усилится ещё больше.

На мгновение девушка замерла, позволяя его словам раствориться в тишине.

— Милорд, окно выходит во внутренний сад. Балкон расположен высоко — сюда невозможно подняться незаметно. Я рядом с вами.

Граф не ответил сразу. Его пальцы всё ещё сжимали край одеяла, но уже не так сильно.

Он прислушивался к шелесту листвы и далёкому пению птиц, словно пытался убедиться, что в этих звуках нет угрозы.

— Насколько... высоко? — наконец спросил он тише прежнего.

Анна вышла на балкон, бегло огляделась и быстро вернулась обратно.

— Сюда невозможно подняться без лестницы, милорд. Балкон расположен над каменной террасой, а ниже — только сад.

Плечи графа всё ещё оставались напряжёнными, однако дыхание заметно выровнялось. Хмурое выражение не сходило с его лица, но требовать закрыть окно он больше не стал.

Чуть помедлив, Анна приступила к уборке.

Она поднимала с пола одежду и разбросанные предметы, аккуратно возвращая их на свои места.

Ветер доносил с улицы едва уловимый аромат нагретых солнцем роз и молодой листвы. Временами девушка украдкой оборачивалась на графа. Порой он едва заметно хмурился, и Анне казалось, что он пытается вспомнить, где именно в саду растут эти цветы... или как когда-то прогуливался там.

— Что вы сейчас делаете? — вдруг спросил он.

Анна слегка обернулась к нему, не прекращая своего занятия.

— Я собираю вещи с пола, милорд. Сейчас я у окна, в нескольких шагах от вашей кровати.

Он ненадолго замолчал, будто мысленно представляя её положение в комнате.

— Не двигайтесь так тихо, — произнёс он чуть тише прежнего. — Я не всегда понимаю, где вы находитесь.

— Хорошо, милорд, — спокойно ответила Анна. — Сейчас я подхожу к столу... теперь к креслу у стены.

Она говорила негромко, но достаточно ясно, позволяя ему следить за её перемещениями по звуку голоса.

Некоторое время в комнате слышались лишь её тихие шаги и едва уловимый шорох вещей.

Граф всё ещё хмурился, но казался уже намного спокойнее. Возможно, свежий воздух и тёплое солнце, касающееся его лица, оказывали на него благотворное влияние.

Наконец его рука медленно соскользнула с покрывала.

Он осторожно провёл пальцами по краю кровати. Его движения были медленными, почти неуверенными, словно каждое требовало от него решимости.

Коснувшись тумбы, он на мгновение замер, после чего осторожно нащупал край тарелки.

Ложка тихо звякнула о фарфор, и этот звук словно подтвердил, что перед ним действительно еда.

Он не спешил.

Сначала лишь слегка коснулся ложки кончиками пальцев, затем медленно зачерпнул немного супа, осторожно поднося ложку ко рту.

Движение было неловким, словно простое действие теперь требовало куда больше усилий, чем прежде.

Он сделал первый глоток.

Анна невольно замерла, заметив это краем глаза, но не подала виду, продолжая тихо складывать вещи на место.

Это маленькое достижение неожиданно согрело её изнутри, словно тёплая волна медленно разлилась в груди.

Глава 4 — Удар в самую цель

— Чего вам?.. — меланхолично раздался голос графа за дверью.

В этот раз Анна тихонько постучала и представилась.

— Я принесла вам ужин, милорд, — ответила она.

— Входите, — вновь отозвался граф немного безразлично.

Анна вошла. К её удивлению, мужчина выглядел спокойнее прежнего, хотя его всё ещё пробивала лёгкая дрожь.

Подойдя ближе и поставив поднос на тумбочку возле кровати, она заметила, что милорд по-прежнему настороженно реагирует на её присутствие. Почти невольно он отстранялся, словно опасаясь её приближения.

Поджав губы, Анна тихо вздохнула, думая о том, что доверие не рождается сразу. Отходя от кровати, она перевела взгляд с графа на окно и обратно... и всё же решила рискнуть. Подойдя к тяжёлым шторам, девушка чуть шире раздвинула их и осторожно приоткрыла балконную дверь.

— Что вы делаете? — неожиданно спросил граф.

— Воздух в комнате кажется немного тяжёлым, милорд, потому я решила ненадолго проветрить, — тихо ответила она.

К удивлению девушки, граф ничего не сказал. Помедлив, он потянулся вперёд и, нащупав край тарелки, осторожно принялся за ужин.

Время тянулось медленно. Анна стояла у балкона, глядя куда-то вдаль. Зеленеющие кроны деревьев, медленно плывущие по вечернему небу облака, окрашенные в мягкие оттенки заката, редкое порхание птиц в саду — этот тихий, живой покой отзывался в её душе давно забытым чувством умиротворения.

В какой-то момент Анна обернулась на графа. Его движения были медленными и неуверенными. Пальцы слегка дрожали, чашка с говяжьим бульоном едва заметно покачивалась в его руках. После каждого глотка он делал паузу — словно заставляя себя продолжать.

До этого, если он отказывался от еды, даже миссис Бёртон не могла убедить его поесть. Только он сам был способен преодолеть собственное упрямство. В тот миг Анна подумала, что, возможно, не зря днём позволила себе небольшую дерзость.

— Я наелся, — спустя некоторое время произнёс граф.

К этому времени девушка уже прикрыла балконную дверь и поправила тяжёлые портьеры, оставив между ними лишь узкую щель, чтобы утром в комнату проникало больше света.

Едва заметно улыбнувшись, Анна подошла к графу, заранее предупредив о своём приближении, и осторожно забрала поднос с остатками еды.

Всмотревшись в красивое, хоть и исхудавшее лицо мужчины, ей вдруг захотелось сказать ему что-нибудь доброе, ободряющее... но слова так и не решились сорваться с её губ.

Пока она нерешительно медлила, в дверь внезапно постучали. Раздался голос дворецкого, от которого по спине Анны пробежал холодок.

— Войдите, — тихо, но достаточно отчётливо произнёс граф, и дворецкий тут же вошёл.

Его вид оставался всё таким же холодным и почти лишённым выражения, словно перед ней стоял не человек, а бездушный механизм, движимый одной лишь обязанностью. В руках он держал папку с документами, поверх которой лежало несколько писем.

Едва не встретившись взглядом с пожилым мужчиной, девушка поспешно опустила глаза, позволяя длинной чёлке скрыть тревогу.

— Ты можешь идти, — произнёс мистер Хоторн, обращаясь к ней.

Она быстро поклонилась и поспешила к выходу.

— Я ухожу, милорд, — невольно вырвалось у Анны.

Граф лениво отозвался коротким звуком согласия.

Пока она выходила, ей показалось, что дворецкий продолжает наблюдать за ней. Это ощущение не покидало её, пока дверь комнаты не закрылась за её спиной. Тяжело вздохнув, Анна слегка поёжилась и направилась отнести поднос на кухню.

Некоторое время девушка помогала на кухне, затем собрала высохшее бельё с заднего двора и аккуратно сложила его в кладовой.

Немного поговорив с Мартой и перекинувшись несколькими словами с другими служанками, она направилась к своей комнате, надеясь наконец отдохнуть и спокойно проспать до утра.

Поднимаясь по лестнице, Анна уже слышала доносящийся шум. Чем ближе она подходила к комнате графа, тем яснее становилось: крики исходят именно оттуда.

Подойдя к своей двери, она остановилась и некоторое время прислушивалась к звукам падающих предметов и гневному голосу милорда. Казалось, он был чем-то глубоко расстроен или возмущён.

Среди криков временами проскальзывали отдельные имена и резкие слова.

«Вероятно, вести, что принёс мистер Хоторн, оказались недобрыми...» — с тяжёлым вздохом подумала Анна.

Она не знала, ушёл ли дворецкий, и не знала, имеет ли право вмешаться. Осторожно подойдя к двери графа, девушка положила ладонь на ручку, но не решалась ни постучать, ни открыть её.

«Что я могу?.. — отговаривала она себя. — Милорд лишь вновь прогонит меня».

Не успела эта мысль окончательно оформиться в её сознании, как дверь резко распахнулась, и из комнаты вышел мрачный мистер Хоторн.

Анна испуганно отступила назад и поспешно поклонилась.

— П-простите, господин, — запинаясь, произнесла она.

— Ступай к себе и не тревожь сегодня милорда, — после короткой паузы твёрдо произнёс пожилой мужчина.

Послушно кивнув, Анна вошла в свою комнату, слыша за дверью удаляющиеся тяжёлые шаги дворецкого.

Сквозь стену всё ещё доносились отголоски ярости графа. Казалось, его охватил тяжёлый приступ отчаяния. Он вёл себя хуже, чем в любой из дней с момента её появления в доме.

Сон никак не приходил, даже когда Анна наконец легла в постель. Хотя крики милорда постепенно стихли, ещё долгое время из его комнаты доносились приглушённые стоны, наполненные горечью и болью.

Лишь далеко за полночь Анне удалось уснуть, несмотря на тревожные звуки за стеной.

Тяжело проснувшись утром, девушка подошла к стене, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук из комнаты графа. Не услышав ничего, она немного успокоилась, надеясь, что сон помог ему прийти в себя.

Чуть позже обычного Анна постучала в дверь милорда и представилась. Ответа не последовало. Она решила, что граф ещё спит, и постучала вновь, на этот раз осторожнее назвав своё имя.

Когда ответа снова не последовало, она тихо повернула ручку и осторожно вошла, стараясь не напугать хозяина.

Неплотно задёрнутые ею накануне портьеры пропускали узкий луч утреннего света, позволяя разглядеть состояние комнаты.

Казалось, в ней не осталось ничего живого.

Вещи были разбросаны по полу, на стенах виднелись вмятины, словно от ударов. Даже постельное бельё оказалось разорвано в нескольких местах. Среди этих смятых складок лежала неподвижная фигура графа.

Анна встревожилась, решив, что с ним могло случиться что-то дурное, и поспешила подойти ближе. Внезапно её остановил резкий голос:

— Я не позволял вам входить!

Его грубый, резкий голос был негромким, с лёгкой хрипотцой, но всё же напоминал предупреждающий рык раненого зверя.

Анна вздрогнула, тут же почувствовала облегчение от того, что граф подал голос.

— Простите меня, милорд, — мягко произнесла она, осторожно приближаясь к кровати. — Вы не ответили, потому я, тревожась о вас, осмелилась войти.

Фигура мужчины резко дёрнулась в сторону, едва она подошла ближе, и Анне открылось его лицо. Вглядевшись в него, она увидела глубокое изнеможение. Испещрённое дорожками слёз, оно выглядело усталым и опухшим.

В тот же миг — то ли от раздражения, то ли от страха — граф отшатнулся и резко махнул рукой наугад, выбивая из её рук поднос. Всё, что на нём находилось, разлетелось по комнате, и часть еды попала на платье Анны.

Девушка тихо вздохнула. Сердце её учащённо билось от внезапности его движения, но она старалась сохранять самообладание.

Ей, конечно, было обидно, но она понимала, что сама виновата — подошла слишком близко, вызвав у него испуг.

— Простите меня, милорд, — глубоко поклонившись, сказала Анна. — Мне не следовало входить без дозволения и приближаться столь поспешно. Впредь я буду осторожнее... Позвольте мне лишь...

— Следующего раза не будет, — оборвал её граф. — Убирайтесь.

Голос его звучал взволнованно.

— Милорд, позвольте мне хотя бы убрать рассыпавшуюся еду у вашей постели, — тихо ответила Анна, понимая, что всё возвращается к самому началу их отношений.

— Вы что, плохо слышите?! — воскликнул мужчина. — Убирайтесь!

— Но милорд... — начала было Анна и вдруг заметила, как рука графа скользнула под подушку.

В следующий миг перед её лицом оказался никелевый револьвер. Ровный серебристый блеск металла заставил девушку замереть.

«Он держал его под подушкой?.. Заряженным?.. А теперь... что? Выстрелит в меня?..» — пронеслось у неё в голове.

Мысли метались беспорядочно, пока вдруг не сменились другими — поднимающимися из самой глубины памяти.

Крик отца... глухие удары... материнская спина у двери... тишина после... маленькие холодные ладони в её руках... слишком слабое дыхание... слишком тихое... одна за другой... слишком рано... слишком больно...

В груди стало пусто, словно страх внезапно утратил свою силу.

Её взгляд, ещё мгновение назад полный испуга, медленно потускнел.

— Стреляйте, — тихо сказала она.

Граф на мгновение замер, словно не сразу понял услышанное. Пальцы, сжимавшие рукоять револьвера, едва заметно дрогнули. Вероятно он ожидал чего угодно — испуга, мольбы, оправданий... но не этого ровного, почти безжизненного голоса.

— Вы... — он нахмурился, словно пытаясь разглядеть её сквозь темноту. — Думаете, я не выстрелю?

— Не знаю, милорд. Если вы решитесь — я не смогу вам помешать, — устало ответила Анна.

Тонкая усмешка скользнула по его губам.

— Разумеется. Люди вроде вас редко дорожат собственной жизнью. Особенно когда цена их жизни — несколько монет.

Он слегка наклонил голову, будто прислушиваясь к её едва сбившемуся дыханию.

— Как вы думаете, почему выбрали именно вас? Потому что вы достойны доверия? Или потому что обладаете редкими талантами? — его голос стал холоднее. — Нет. Просто потому, что от таких, как вы, легче всего избавиться.

Он на мгновение умолк, словно позволяя словам дойти до неё.

— Никто не станет задавать вопросов. Никто не станет искать. Никто даже не вспомнит вашего имени.

Пальцы крепче сжали револьвер.

— Удобно иметь под рукой человека, которого не жалко потерять.

Он слегка наклонил голову, и в голосе его прозвучало почти неприкрытое презрение.

— Если окажетесь полезной — будете жить. Если нет... ваша судьба никого не беспокоит.

Анна не ответила сразу. Его слова ударили точно в цель.

На мгновение она опустила взгляд, словно собирая рассыпавшиеся внутри мысли. Пальцы её невольно сжались, но голос прозвучал спокойно.

— Значит... мы с вами похожи больше, чем вам хотелось бы.

Граф едва заметно напрягся.

Анна сделала короткий вдох.

— Похоже, милорд, не только моя судьба кажется кому-то удобной.

В комнате повисла тишина. Даже воздух, казалось, стал тяжелее.

Пальцы графа крепче сжали револьвер.

— Не смейте сравнивать нас, — тихо произнёс он, и в его голосе впервые прозвучало не только раздражение, но и нечто более опасное.

Анна не отвела взгляда.

— Я и не сравниваю, милорд. Лишь говорю, что цена человеческой жизни редко зависит от титула.

Лицо графа на мгновение исказилось, словно её слова задели глубже, чем он хотел показать.

— Вы слишком много позволяете себе для служанки, — холодно произнёс он.

— Возможно, — тихо ответила Анна. — Но оружие не делает ваши слова более справедливыми.

На короткий миг рука графа дрогнула сильнее прежнего. Он резко отвлёл револьвер в сторону.

Выстрел оглушительно разорвал тишину.

Звук ударился о стены, эхом прокатился по комнате и будто на мгновение лишил воздуха.

Пуля вонзилась в деревянную панель у книжного шкафа, оставив тёмное отверстие и тонкий запах пороха.

Анна вздрогнула и невольно присела, прикрыв голову руками. Сердце бешено колотилось, но она не вскрикнула. Когда звон в ушах немного стих, девушка осторожно подняла взгляд.

Граф всё ещё держал револьвер, но теперь его рука заметно дрожала. Лицо его не выражало ни удовлетворения, ни гнева — лишь усталость и какую-то глухую, невыносимую горечь. Словно выстрел не принёс ему облегчения.

Его плечи безвольно опустились. На мгновение он выглядел человеком, который больше не знает, куда направить собственную ярость.

Анна медленно выпрямилась. В груди всё ещё стучало, но внутри уже не было прежнего страха — лишь тяжесть от увиденного.

Она ничего не сказала. Лишь сделала шаг назад. Затем ещё один. Она понимала: сейчас любые слова будут лишними.

У самой двери девушка на мгновение остановилась. Что-то заставило её обернуться.

Граф сидел неподвижно, всё ещё сжимая оружие в руке. Его пальцы дрожали сильнее прежнего.

Медленно, почти неуверенно, он поднял револьвер выше. К виску. Плечи его едва заметно вздрогнули.

Анна замерла. В груди болезненно сжалось.

Страх с новой силой вдруг окутал её с головы до ног. Теперь она не решалась уйти. Слишком много раз ей доводилось видеть перед собой тень смерти. И сейчас она не желала позволить ей вступить в свои права.

— Милорд... — невольно, тихо сорвалось с её дрожащих губ. — Я не знаю, что произошло... и не смею спрашивать.

Граф едва заметно повернул голову, будто прислушиваясь. Его брови чуть сошлись, словно сам звук её голоса оказался неожиданным.

Револьвер всё ещё касался его виска.

— Но я вижу, как вам больно, — осторожно продолжила Анна. По её щеке медленно скатилась слеза.

Помедлив, девушка сжала пальцы, стараясь унять дрожь.

— Иногда боль кажется такой... будто дальше уже ничего нет, — тихо сказала она. — Я тоже так думала... когда потеряла тех, кого любила.

Её затуманенный взгляд опустился вниз.

— Но решение, принятое в такую минуту... уже нельзя будет изменить, — едва слышно добавила она. — Прошу вас... не принимайте его сейчас.

Она осмелилась поднять глаза.

Рука, удерживающая револьвер, больше не выглядела такой твёрдой. Пальцы дрогнули, словно устали сохранять прежнюю решимость.

— Если вы всё ещё злитесь... если ненавидите весь мир... это можно сделать завтра, — чуть твёрже произнесла она. — Но сегодня... не лишайте себя возможности передумать.

Несколько долгих мгновений граф не двигался.

Затем его плечи едва заметно опустились. Револьвер медленно отстранился от виска.

Он отвернул лицо.

— Убирайтесь, — хрипло произнёс он.

Анна не сразу сдвинулась с места, будто боялась спугнуть это хрупкое мгновение.

Но резкий, тяжёлый взгляд в её сторону — словно он безошибочно чувствовал её присутствие — заставил девушку вздрогнуть.

— Да, милорд, — тихо сказала она, склонив голову.

Она вышла, больше не оборачиваясь.

Едва оказавшись за дверью, Анна почувствовала, как дрожь, сдерживаемая всё это время, внезапно охватила всё тело. Колени едва не подкосились, и девушка оперлась рукой о стену, стараясь восстановить дыхание.

Несколько секунд она просто стояла, не в силах пошевелиться.

Затем поспешно вытерла слёзы рукавом и, опустив взгляд, медленно направилась прочь.

Глава 5 — Нить надежды

Грустное, мокрое от слёз лицо смотрело на Анну из потемневшего зеркала в маленькой умывальной комнате. Карие глаза, окружённые тёмными тенями усталости, не фокусировались на синяках и старых ссадинах — следах отцовской ярости. Взгляд уходил глубже, туда, где в памяти всё ещё звучали глухие удары, пьяный рёв и тихий плач младших сестёр.

Она помнила всё слишком ясно. С самого детства она была лишней. Когда в доме появилась Люси — красивая, светловолосая, любимая, — Анна окончательно превратилась в тень. В служанку. В ту, что колола дрова, носила воду, стирала, готовила и пыталась хоть как-то защитить младших от отцовского кулака. А когда мать, не выдержав, сбежала, оставив на её руках четырёх девочек, Анна стала для них и матерью, и защитницей, и кормилицей.

Самая младшая, крошечная Бэтти, не прожила и года. Анна до сих пор помнила, как холодело маленькое тельце в её руках, пока она беззвучно рыдала, прижимая сестрёнку к груди. Отец даже не вышел из-за стола.

Девушка резко плеснула в лицо холодной водой, словно пытаясь смыть не только следы слёз, но и воспоминания. Капли стекали по щекам, смешиваясь с новыми. Она с отвращением посмотрела на своё отражение — худое, бледное, с длинной чёлкой, которая давно стала её щитом.

Рядом на полке стоял странный оловянный прибор с тонкой трубкой — ингалятор, который ей передала миссис Бёртон по пути на кухню.

«Милорду прописал врач, — сказала тогда миссис Бёртон тихим, усталым голосом. — Травы помогают при приступах удушья и тревоги. Меняй содержимое каждые два часа, даже если он не пользуется. И не забудь объяснить ему назначение».

Анна провела пальцами по холодному металлу. Запах сушёных трав был едва уловимым, но успокаивающим. Ей совсем не хотелось возвращаться в ту комнату так скоро. Тяжёлая, пропитанная отчаянием и порохом атмосфера всё ещё висела в воздухе. Но долг есть долг.

Она глубоко вздохнула, поправила чёлку и вышла.

Подойдя к двери покоев графа, Анна на мгновение замерла, собираясь с духом, затем тихо постучала.

— Это Анна, милорд.

Тишина.

Она уже подняла руку, чтобы постучать снова, когда из-за двери раздался низкий, усталый голос:

— Входите.

Граф сидел на краю кровати, слегка сгорбившись. Он был повернут к зашторенному окну, даже не оборачиваясь на девушку. Казалось, он намеренно игнорировал её присутствие. Будто её здесь нет.

Анна подошла ближе, стараясь ступать чуть громче обычного, как он однажды просил.

— Миссис Бёртон велела принести вам это, милорд, — мягко начала она, держа ингалятор обеими руками. — Это лечебный прибор, прописанный врачом. Внутри тлеют специальные травы. Если вам вдруг станет трудно дышать или... вас охватит тревога, нужно поднести трубку ко рту и медленно вдыхать пар. Я буду менять содержимое каждые два часа.

Граф не ответил. Его длинные пальцы медленно перебирали карманные часы, словно это было единственное, что ещё связывало его с прежним миром. Лицо оставалось неподвижным, только лёгкая складка между бровями выдавала напряжение.

Анна сглотнула.

— Я оставлю его на нижней открытой полке прикроватной тумбочки, милорд. Чтобы вы могли легко дотянуться, не вставая.

Молчание.

Она осторожно поставила прибор на место и огляделась. Комната всё ещё хранила следы недавнего приступа ярости: вмятины на стенах, разбросанные вещи, разорванное в нескольких местах бельё.

— Милорд... — тихо произнесла она, сложив руки перед собой. — Позвольте мне прибраться в комнате?

Долгая пауза. Анна уже склонила голову в поклоне, когда наконец услышала безразличный, почти безжизненный ответ:

— Делайте, что хотите.

— Благодарю вас, милорд.

Она вышла за дверь, забрала заранее приготовленные тряпки, веник и совок, после чего вернулась и принялась за работу. Каждый раз, начиная новое действие, она негромко комментировала свои движения:

— Сейчас я поднимаю упавшую книгу у окна... Теперь складываю одежду на стуле... Подметаю осколки возле шкафа...

Граф сидел неподвижно. Но иногда, когда её голос звучал, он едва заметно поворачивал голову в её сторону — будто прислушивался. Это было почти неуловимо, но Анна замечала.

Спустя некоторое время она услышала шорох. Обернувшись, девушка увидела, как граф медленно сел на самый край кровати, упёрся руками в матрас и попытался подняться. Его движения были неуверенными, тело заметно дрожало от напряжения. Он нащупал край тумбочки, затем стену и начал медленно продвигаться вдоль неё, опираясь ладонью.

Анна замерла с тряпкой в руках. Её сердце болезненно сжалось. Утренний револьвер, слёзы, отчаяние — всё это ещё стояло перед глазами. А теперь он пытался ходить сам, словно доказывая... кому? Себе? Ей? Миру?

Граф прошёл мимо письменного стола, осторожно обогнул его и добрался до окна. Найдя край тяжёлой портьеры, он резко дёрнул ткань в сторону. Яркий дневной свет хлынул в комнату, заставив Анну прищуриться. Теперь она ясно видела беспорядок, которого раньше не замечала в полумраке: глубокие царапины на мебели, следы ударов, даже небольшую трещину на одном из оконных стёкол.

Граф стоял у окна, слегка покачиваясь, и прислушивался к доносящимся снаружи звукам — шелесту листвы, далёкому пению птиц, лёгкому ветру. Затем, всё так же держась за стену, он продолжил путь дальше по комнате.

Анна ещё не успела убрать перевёрнутое кресло. Граф едва не споткнулся о него. Девушка быстро шагнула вперёд и с усилием подняла тяжёлое кресло, вернув его на место и давая графу надёжную опору.

Он вздрогнул от внезапного движения рядом, лицо исказилось недовольством.

— Не подходите так резко, — глухо бросил он.

— Простите, милорд, — тихо ответила Анна, отступая. — Я лишь хотела помочь, чтобы вы не упали.

Граф ничего не ответил, лишь сильнее сжал челюсти и продолжил путь, опираясь то на стену, то на книжный шкаф. Побродив так ещё несколько минут, будто совершая долгую и тяжёлую прогулку по собственным покоям, он медленно вернулся к кровати и тяжело опустился на неё.

Следующие несколько дней прошли в странном, почти молчаливом ритме.

Анна приходила примерно каждые два часа: меняла травы в ингаляторе, тихо прибиралась, иногда меняла воду в кувшине. Граф почти не разговаривал с ней. Он больше не кричал и не швырял вещи, но и тепла в его поведении не прибавилось. Он просто... существовал. Иногда вставал и осторожно исследовал комнату — то с опорой на стену, то уже с тростью.

Анна наблюдала за ним с тихой болью. Каждый раз, когда он спотыкался, когда его рука не находила привычного места, когда он замирал посреди комнаты, явно не понимая, где находится, ей хотелось подойти, поддержать, сказать что-нибудь ободряющее, хоть чем-то помочь. Но он не позволял. Его спина, напряжённые плечи и сжатые губы ясно говорили: «Не приближайтесь».

Однажды днём, развешивая выстиранное бельё на заднем дворе, Анна задумчиво взяла длинную простыню и накинула её на верёвку, натянутую между двумя крепкими столбами. Потянувшись за следующей, она вдруг споткнулась о край таза. Чтобы не упасть, ухватилась обеими руками за верёвку над головой.

И в этот миг её осенило.

Девушка замерла. Глаза медленно расширились. Она закрыла их и, всё ещё держась за верёвку, сделала несколько шагов вдоль неё, представляя, каково это — двигаться в полной темноте, полагаясь только на прикосновение и память.

Когда она открыла глаза, на её лице расцвела редкая, светлая улыбка. Сердце забило быстрее от волнения.

Оставив бельё недовешенным, Анна почти бегом бросилась в кладовую к Марте.

Когда она в следующий раз вошла в покои графа, идея всё ещё жгла ей грудь. Она долго не решалась заговорить, молча прибираясь и время от времени поглядывая на мужчину. Граф уже не вздрагивал так резко от её голоса. Он сидел в кресле у окна, опираясь на трость, и казался чуть более спокойным, чем обычно.

Наконец Анна собралась с духом.

— Милорд... — тихо начала она, сложив руки перед собой. — Позвольте обратиться к вам с небольшим предложением.

Граф не ответил сразу. Он медленно повернул голову в её сторону, пальцы крепче сжали набалдашник трости.

— Какое предложение? — спросил он без особого интереса, но и без привычного раздражения.

Анна сделала шаг ближе и заговорила на одном дыхании, боясь, что смелость покинет её:

— Сегодня, когда я развешивала бельё, мне пришла в голову мысль о верёвках... натянутых на уровне руки. Если протянуть их вдоль стен и к важным местам — к кровати, к столу, к двери в ванную, к окну, — вы сможете держаться за них и передвигаться по комнате самостоятельно, без страха споткнуться или потерять направление. Это... как нить, которая будет вас вести.

Граф молчал довольно долго. Его лицо оставалось неподвижным, но Анна заметила, как слегка приподнялась одна бровь, как пальцы на трости слегка расслабились, а затем снова напряглись. В нём явно боролись сомнение и заинтересованность.

— Расскажите подробнее, — наконец произнёс он, поворачиваясь корпусом в её сторону. Глаза Анны загорелись.

— Да, милорд. Позвольте, я принесу то, что приготовила.

Получив едва заметный кивок, она быстро вышла и вернулась с деревянным ведром, в котором лежали плотная верёвка, молоток и гвозди.

Подойдя ближе, девушка протянула ему конец верёвки. Граф сначала неуверенно коснулся её пальцами, затем взял в руки и начал тщательно ощупывать — грубую фактуру, толщину, прочность. Пока он это делал, Анна снова объясняла свою идею, стараясь говорить спокойно и подробно.

Когда она закончила, граф ещё какое-то время молчал, задумчиво перебирая верёвку в пальцах.

Наконец он протянул её обратно.

— Попробуйте сделать, — коротко сказал он.

На лице Анны расцвела мягкая, искренняя улыбка.

— Спасибо, милорд.

Она поклонилась и уже хотела начать, но вдруг растерялась.

— Милорд... с чего мне стоит начать?

Граф тяжело вздохнул, но спустя несколько секунд осторожно поднялся с кресла. Он медленно подошёл к стене возле изголовья кровати, провёл по ней ладонью, остановился и твёрдо произнёс:

— Здесь. Вбивайте первый гвоздь.

Анна на мгновение опешила.

— Ну? — слегка нахмурился он, поворачивая к ней лицо. — Или вы хотите, чтобы я сам это сделал?

— Простите, милорд. Уже делаю, — смущённо ответила девушка.

Подходить к нему так близко было непривычно и неловко. Когда она подняла руку с гвоздём к стене, её пальцы случайно коснулись его плеча. Граф едва заметно вздрогнул, но не отстранился.

Вблизи его лицо казалось ещё более утончённым и красивым, несмотря на болезненную худобу. Длинные тёмные ресницы, густые брови, изящный прямой нос, бледные, красиво очерченные губы... и эти изумрудные глаза, которые когда-то, вероятно, сияли ярко и властно.

Дыхание Анны на мгновение сбилось. Щёки потеплели. Она быстро отвела взгляд и сосредоточилась на гвозде.

— Не вбивайте слишком глубоко, — вдруг тихо сказал граф, словно почувствовав силу её ударов. — Верёвке нужно за что-то цепляться. Лучше ударьте снизу, чтобы гвоздь немного выгнулся, как крюк.

— Да, милорд, — тихо ответила она, стараясь унять дрожь в руках.

Так они и работали. Граф медленно двигался вдоль стены, ощупывая её ладонью, и указывал места. Анна вбивала гвозди там, где он говорил. Каждый раз, когда она оказывалась рядом, невольно задерживала дыхание, чувствуя странное, тёплое волнение.

Когда все гвозди были вбиты, граф велел ей натянуть верёвку от первого к противоположной стене. Анна старалась изо всех сил. Граф проверил натяжение, ухватившись за верёвку и слегка потянув.

— Сильнее, — коротко бросил он.

Она подтянула ещё раз. Так, верёвка за верёвкой, они обустроили несколько направляющих: вдоль стен, к кровати, к письменному столу, к двери в ванную комнату и к окну.

Когда всё было готово, граф снова подошёл к первой верёвке. Его движения были осторожными, почти нерешительными. Он провёл по ней пальцами, затем крепче ухватился и сделал первый шаг.

Шаги были медленными, неуверенными. Трость он оставил у кровати. Сейчас он полностью доверился верёвке. Анна следовала за ним на расстоянии двух шагов, готовая в любой момент подхватить его, но не приближаясь без разрешения.

Граф добрался до противоположной стены, затем повернул к двери в ванную. Когда его пальцы коснулись дверной ручки, на его лице — впервые за всё время, что Анна его знала, — появилась едва заметная, очень слабая улыбка.

Она стояла чуть в стороне и не могла отвести глаз. Эта улыбка на измождённом лице мужчины выглядела неожиданно красивой и хрупкой. У Анны потеплело в груди — тихое, мягкое тепло, которого она совсем не ожидала.

Девушка опустила взгляд и едва заметно улыбнулась, ничего не сказав.

Глава 6 — Хрупкое тепло

Прошёл уже почти месяц с того дня, как Анна впервые переступила порог поместья Блэквуд.

Эта мысль пришла к ней тихим вечером, когда она сидела в своей комнате у небольшой свечи, держа на коленях раскрытую книгу. Пламя мягко дрожало, отбрасывая на стены золотистые тени, а за окнами медленно сгущалась весенняя ночь.

Анна задумчиво провела пальцем по краю страницы.

Раньше подобная роскошь казалась ей почти недостижимой. В доме отца у неё никогда не было времени читать то, что хотелось ей самой. Если ей и удавалось украдкой открыть книгу в лавке, то лишь на несколько коротких минут между работой.

Здесь же, в этом странном и печальном доме, ей позволяли брать книги из библиотеки. Эта мысль до сих пор казалась ей почти невероятной.

Вздыхнув, девушка снова опустила взгляд на страницы. На одной был напечатан текст, на другой — изображение молодой женщины с печальными глазами и тонкими, нежными чертами лица.

Анна невольно улыбнулась уголками губ.

Все эти истории о любви казались ей чересчур красивыми, чтобы быть правдой. Слишком возвышенными и далёкими от настоящей жизни.

И всё же каждый раз её что-то тянуло к ним вновь. Будто сердце, даже пережив боль, всё равно продолжало искать что-то светлое.

Она медленно подперла голову рукой.

Как ни странно... её жизнь здесь действительно стала спокойнее.

Если, конечно, не считать одного раздражительного, упрямого и временами совершенно невыносимого графа.

При этой мысли в её сознании неожиданно всплыло лицо Эдварда Блэквуда.

Худое, бледное. То хмурое и колючее, то неожиданно тихое и усталое.

За последние дни он будто начал понемногу привыкать к её присутствию или хотя бы немного смягчаться по отношению к ней.

Порой к графу приходил мистер Хоторн — обычно раз в несколько дней — принося письма, отчёты и документы. И тогда Анна невольно замечала, как меняется её милорд.

Стоило разговору коснуться дел поместья, как в его голосе появлялась твёрдость, а в осанке — почти забытое достоинство. Даже его болезненно истощённое тело в такие минуты словно преображалось.

Тогда Анне особенно ясно становилось, каким человеком он был прежде. И каким мог бы оставаться до сих пор... если бы судьба не оказалась столь жестока к нему.

Она задумчиво смотрела на дрожащий огонёк свечи, когда вдруг тишину разорвал резкий глухой шум. Словно в соседней комнате что-то тяжёлое рухнуло на пол.

Анна мгновенно выпрямилась.

Следом донёсся хриплый, мучительный стон.

Книга тут же соскользнула с её колен на пол, но девушка даже не заметила этого. Она резко вскочила и почти выбежала из комнаты.

— Милорд! — взволнованно постучала она, оказавшись перед дверью графа. — Это Анна... С вами всё в порядке?

Ответа не было. Лишь тяжёлый сиплый вдох. Сердце девушки болезненно сжалось.

Не раздумывая больше о приличиях, она резко распахнула дверь — и застыла. Граф лежал на полу возле сорванной верёвки. Несколько направляющих, которые они совсем недавно натягивали вместе, теперь беспомощно свисали вдоль стены.

Высокое тело мужчины сотрясала крупная дрожь. Рубашка насквозь промокла от пота и прилипла к худому телу. Волосы беспорядочно падали на побледневшее лицо. Брови были болезненно сведены, а каждый вдох сопровождался тяжёлым свистящим хрипом. Будто сам воздух причинял ему боль.

— Милорд!..

Анна тут же опустилась рядом с ним на колени. Но едва её ладонь коснулась его плеча, граф резко оттолкнул девушку дрожащей рукой.

— Уйдите... прочь... — с трудом выдохнул он.

И всё же в следующий миг на его лице промелькнуло нечто совсем иное. Не гнев. Не раздражение. А почти отчаянный страх. Словно, оттолкнув её, он сам испугался этого, осознав, что рядом больше никого нет.

Это выражение исчезло почти мгновенно, но Анне хватило одного взгляда, чтобы почувствовать болезненную растерянность, скрытую за его привычной грубостью.

Однако времени размышлять не было. Она резко обернулась к прикроватной тумбе. Ингалятор. Хвала Небесам — травы она сменила совсем недавно.

Схватив прибор, девушка быстро вернулась обратно. На этот раз она уже не собиралась позволять ему оттолкнуть себя.

Девушка помогла графу приподняться, мельком заметив на мертвенно-бледном лице лёгкое удивление.

Несмотря на неестественную худобу, вес его тела всё равно оказался тяжёлым, и Анне пришлось напрячь все силы.

— Я здесь, милорд... — тихо проговорила она, стараясь говорить спокойно, хотя собственное сердце колотилось так сильно, что ей самой становилось страшно. — Я принесла ингалятор.

Когда она поднесла трубку к его руке, граф дрожащими пальцами почти сразу ухватился за неё. Он сделал тяжёлый вдох через трубку. Следом ещё один. И ещё. Каждый вдох сопровождался болезненным свистом.

Анна сидела рядом на коленях, поддерживая его плечом, чувствуя, как под влажной тканью рубашки судорожно дрожат напряжённые мышцы его спины. Будто всё его тело отчаянно боролось за каждый вдох.

Она стала слегка поглаживать плечё графа, тихо повторяя:

— Медленнее... вот так...

— Хорошо... ещё один вдох...

— Теперь спокойно выдыхайте...

Чтобы помочь ему, она сама начала дышать глубже и медленнее, невольно подстраивая своё дыхание под его. И, возможно, пытаясь успокоить заодно и саму себя.

Минуты тянулись мучительно долго. Капли пота стекали по вискам графа. Иногда Анна осторожно касалась его лица рукавом платья, стирая влагу с побледневшей кожи.

Наконец дыхание мужчины стало чуть ровнее. Он тяжело откинулся назад, почти всем весом наваливаясь на неё, и устало закрыл глаза. Анна едва заметно поморщилась от тяжести, но не издала ни звука.

— Милорд?.. — тихо позвала она, испугавшись, что он потерял сознание.

Граф слегка повернул голову в её сторону, не открывая глаз. Этого оказалось достаточно, чтобы она облегчённо выдохнула.

— Вам нельзя оставаться на полу, — мягко проговорила девушка. — Позвольте помочь вам лечь.

После долгой паузы мужчина слабо кивнул.

Когда они попытались подняться, его ноги подкосились. Он тяжело пошатнулся и почти всем весом навалился на Анну. Девушка едва удержалась сама, но всё же не отпустила его. Шаг за шагом она довела графа до кровати.

Когда наконец ей удалось уложить его на постель, Анна потянулась за одеялом, лежавшим в ногах кровати. Но внезапно холодные пальцы мужчины крепко сомкнулись вокруг её запястья.

— Не уходите... — хрипло выдохнул он.

В этих словах не было приказа. Только глухое бессилие и почти детский страх остаться одному.

Анна замерла. В её груди отозвалась острая, щемящая жалость. Она осторожно накрыла его руку своей второй ладонью.

— Я рядом, милорд, — очень тихо ответила девушка. — Я лишь укурю вас.

Его пальцы медленно ослабли. И только тогда Анна осторожно высвободила руку.

В течение следующих нескольких часов состояние графа постоянно менялось. Приступ то отступал, давая ему несколько относительно спокойных минут, то возвращался с новой силой, заставляя тело сотрясаться от мучительной дрожи и тяжёлого, свистящего дыхания.

Анна почти не отходила от кровати. Она то подносила к его губам ингалятор, следя за каждым вдохом, то смачивала полотенце в холодной воде и осторожно промакивала его пылающий лоб, виски и шею.

Её поражало, что граф совсем не сопротивлялся. Ни резкого слова, ни новой попытки оттолкнуть её руку. Будто все силы, которые он обычно тратил на гордое отчаяние, были полностью исчерпаны этой ночью.

К утру приступ наконец начал сдавать, и граф погрузился в тяжёлый, глубокий сон.

Анна пододвинула стул ближе к кровати, села и облокотилась рукой на край матраса. Усталость навалилась внезапно, и она сама не заметила, как задремала, склонив голову.

Когда граф проснулся, в комнате всё ещё витал густой, пряный запах лечебных трав и лёгкой горечи пота. Несколько мгновений он лежал неподвижно, медленно возвращаясь к действительности, как вдруг тело его едва заметно напряглось — он ощутил рядом чужое присутствие.

Одеяло было странно оттянуто в сторону — будто кто-то сидел или лежал на краю постели.

Медленно приподнявшись на подушках, он осторожно протянул руку. Пальцы сначала коснулись мягкой, слегка помятой хлопковой ткани платья — простой и чистой, ещё хранившей живое тепло тела, — а затем осторожно легли на тонкое, хрупкое плечо.

Анна вздрогнула и резко проснулась.

— Простите, милорд!.. — поспешно проговорила она, выпрямляясь и поправляя растрепанную чёлку дрожащими пальцами. — Я... должно быть, случайно уснула... Простите меня, пожалуйста.

Граф убрал руку и медленно откинулся на подушки. Анна быстро оглядела его. Лицо мужчины оставалось измождённым и бледным, под глазами залегли глубокие тени, однако дыхание уже стало значительно ровнее и спокойнее.

— Как вы себя чувствуете, милорд? — тихо спросила она.

— Уже лучше, — ответил он после небольшой паузы, не поворачивая к ней лица. — Спасибо.

Анна замерла. Это простое слово, произнесённое его низким, усталым голосом, поразило её сильнее, чем она могла ожидать. На мгновение у неё перехватило дыхание. На губах девушки сама собой появилась мягкая, едва заметная улыбка — робкая и светлая.

Она не стала ничего спрашивать дальше. Ей было довольно уже того, что он жив, что он дышит спокойно и что в его голосе, пусть всего на миг, прозвучала благодарность.

Чуть позже она принесла лёгкий завтрак и, по привычке, направилась к прикроватной тумбе.

— Поставьте передо мной, — вдруг сказал граф.

Удивлённая, Анна осторожно переставила поднос на кровать и поправила ножки, чтобы он стоял устойчиво.

— Чай прямо перед вами, милорд. Ложка на три часа, тосты — на девять.

Граф медленно протянул руку и коснулся тёплой чашки. На мгновение он замер.

— Почему вы всё ещё здесь, Анна? — спросил он негромко.

Девушка едва заметно вздрогнула. Он впервые назвал её по имени. Просто и спокойно, без привычного раздражения. От этого внутри у неё странно потеплело.

— Прежние служанки давно сбежали из этого дома, — продолжал он. — Что держит вас рядом со слепым калекой?

Анна на мгновение задумалась, теребя край фартука.

— Если бы я всегда бежала от трудностей, милорд, то как бы смогла заработать себе на жизнь?

На губах графа появилась слабая, почти горькая усмешка.

— Значит, вы здесь только ради денег?

Анна помолчала. Потом тихо ответила:

— Мне просто некуда идти, милорд. Мой отец продал меня в ваше поместье. Теперь я служу вам.

Рука графа замерла над чашкой.

— Продал? — В его голосе, несмотря на внешнее спокойствие, ясно прозвучало глухое возмущение. — Вы что же... какая-то вещь?

— К сожалению, милорд, — тихо проговорила Анна с грустной полуулыбкой. — Для некоторых людей — да. Такова моя судьба.

Граф замолчал и медленно продолжил есть. Спустя некоторое время он вновь заговорил:

— Где вы жили раньше?

— В Филтоне, милорд. Это небольшая деревушка неподалёку от Кроссфилда.

Мужчина чуть нахмурился, словно пытаясь мысленно восстановить карту знакомых земель.

— Кроссфилд... — задумчиво повторил он. — Значит, вам пришлось проехать через горную гряду.

Анна слегка оживилась.

— Да... кажется, так и было. Я плохо помню саму дорогу. В тот день мне было слишком тяжело... но всё вокруг всё равно казалось удивительно красивым. — Она сама не заметила, как её голос стал мягче. — Поля тянулись почти до самого горизонта. Холмы были такими зелёными... а деревья вдоль дороги уже начинали цвести. Я никогда прежде не уезжала так далеко от дома.

Граф молчал. Но теперь это было не то холодное, отталкивающее молчание, к которому она уже привыкла. Скорее — внимательное, почти задумчивое. И Анна, ободрённая этим, продолжила чуть увереннее:

— В какой-то момент мне даже подумалось... будто я еду не в чужое поместье, а в какой-нибудь старый замок из книг. Туда, где начинаются удивительные истории.

На губах графа появилась едва заметная тень усмешки.

— Как наивно, — произнёс он, и голос его вновь стал чуть холоднее. — В этом доме вам не удастся витать в облаках.

— Знаю, милорд, — тихо вздохнула Анна. — Реальная жизнь редко похожа на книги. Но раньше именно они помогали мне не сдаваться.

Она чуть крепче сжала ткань фартука в пальцах.

— Хозяин книжной лавки, где я работала, был добр ко мне. Он научил меня читать и иногда позволял брать книги домой. Благодаря им я могла на время забыть о своей жизни... представить другие миры, далёкие города, моря, старые поместья... людей, которых никогда бы не встретила в действительности.

Она немного смутилась.

— Наверное, это звучит глупо.

— Нет, — неожиданно тихо произнёс граф.

Анна удивлённо подняла на него взгляд. Мужчина сидел неподвижно, слегка опустив голову. В его лице читалась глубокая, тяжёлая усталость.

— Какие книги вам нравились? — спросил он спустя паузу.

Глаза Анны невольно загорелись.

— Те старые романы, которые мне удавалось прочитать, — ответила она. — Особенно те, где герои проходят через большие трудности, но всё равно продолжают любить жизнь.

Она задумалась на мгновение.

— В одной книге была фраза, которую я до сих пор помню: «Человек уже благословен тем, что существует». И ещё: «Люби всем сердцем своим — и этого довольно, чтобы идти дальше, даже сквозь тьму».

Граф повернул к ней лицо. В комнате повисла тишина.

— «Печали Эленоры»? — тихо произнёс он.

— Вы тоже читали её, милорд? — с живым интересом спросила Анна.

— К сожалению, — сухо ответил он. — У вас весьма дурной вкус.

На лице девушки мелькнуло смущение.

— Почему?..

— Слишком трагичный конец, — спокойно произнёс граф. — Я никогда не любил историй, где даже после всех испытаний надежда всё равно угасает.

Анна слегка улыбнулась про себя, почувствовав лёгкий укол неловкости. Она и забыла, насколько горьким был финал этой книги. В момент чтения её сильнее всего тронула именно негибкая стойкость героини, а не то, чем всё закончилось.

— А какие книги нравились вам? — спросила она почти без задней мысли.

И почти сразу поняла, что вопрос оказался неудачным.

Лицо мужчины слегка изменилось. Что-то тяжёлое и болезненное промелькнуло в его чертах.

— С некоторых пор — никакие, — ответил он чуть грубее прежнего.

Анна едва заметно поёжилась, но решила не отступать.

— Что вы, милорд... Разве можно совсем разлюбить книги? Даже если вы больше не можете читать их сами... всегда можно попросить кого-нибудь читать вслух.

— У кого же найдётся столько свободного времени? — хмыкнул граф, и в его голосе скользнула горькая нотка. — Или вы предлагаете мне объявить всему дому, что я нуждаюсь в няньке, которая будет читать мне вслух, словно ребёнку?

Анна почувствовала, как эти слова больно кольнули её в грудь. В них было столько горечи, столько униженной гордости, что у неё невольно сжалось сердце. Он говорил так, будто сама мысль о том, чтобы кто-то увидел его слабость, была для него невыносима. И в этот момент что-то внутри неё дрогнуло — нежное, почти болезненное желание защитить его от этого одиночества.

Не успев как следует подумать, она неожиданно для самой себя выпалила:

— Но у вас есть я, милорд.

Едва слова сорвались с её губ, как она тут же почувствовала, как жар приливает к щекам. Смутившись от собственной смелости, девушка поспешила немного смягчить сказанное:

— То есть... я хотела сказать, что с радостью буду читать вам, если пожелаете. Это совсем не обременит меня.

Граф медленно повернул голову в её сторону. На его лице отразилось неподдельное удивление — редкое и почти растерянное. Будто подобная мысль ему даже в голову не приходила.

— Вы?.. — тихо переспросил он.

Анна смутилась ещё сильнее под этим невидящим, но таким пронизывающим взглядом, однако всё же кивнула.

— А почему нет, милорд? — мягко сказала она, уже чуть тише. — Если вам будет угодно, я могу читать вам, когда пожелаете.

Несколько долгих секунд он молчал. Пальцы графа замерли на краю подноса. Было видно, как в нём идёт внутренняя борьба — привычка отталкивать всех и вся отчаянно боролась с глубокой усталостью от одиночества.

Наконец он негромко произнёс:

— Хорошо.

Анна удивлённо моргнула, не веря своим ушам.

А граф, словно сам немного смутившись от собственного решения, слегка отвернул лицо в сторону окна.

И впервые за долгое время тишина, повисшая между ними, перестала быть тяжёлой и холодной. В ней появилось нечто новое — тихое, хрупкое и очень осторожное.